

В. А. Мартинович

МИНСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ,
МИНСК, БЕЛОРУССИЯ

Многообразие и границы неоязычества в современном мире

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу многообразия форм неоязычества в современном мире. С поправкой на диахроническую перспективу даются авторские определения язычества и неоязычества. Утверждается, что неоязычество, как отдельный тип нетрадиционной религиозности, противостоящий традиционным религиям, в том числе традиционному язычеству, появляется не в XX столетии, а восходит ко временам до нашей эры – периоду расцвета язычества в мире. Прописываются границы, отделяющие неоязычество от внешней среды, в том числе в рамках народной культуры. Отмечается роль государственных программ по возрождению народной культуры и творчества в укреплении и развитии неоязычества. Для уточнения вариативности организационных границ приводится типология неоязычителей. Вариативность содержательной специфики неоязычества фиксируется в рамках соответствующей классификации, созданной на основании анализа особенностей пантеона 252 неоязыческих организаций. На выборке из 201 группы из 22 стран показана динамика возникновения неоязыческих групп в XX–XXI столетиях с пиком роста в 1990-е годы и последующим снижением количества появляющихся организаций. Подробно разбирается вопрос невозможности преемственности современного неоязычества с древним язычеством. Выявляются стратегии работы неоязыческих сообществ в условиях фактической невозможности установления такой преемственности. Поднимается проблематика

локальной специфики неоязыческих сообществ, в том числе влияния культурного разрыва между нынешними жителями страны и их предшественниками, изначально населявшими территории (например, США). Анализируется внимание неоязычников к проблемам экологии. Приводятся примеры вариативности отношения неоязычников к Православной Церкви. С опорой на обширную выборку мест из Священного Писания Ветхого и Нового Заветов фиксируется отношение Православной Церкви к неоязычеству.

Ключевые слова: неоязычество, новые религиозные движения, ведьмовство, секты, культы, клиентурные культы, аудиторные культы

Для цитирования: Матинович В. А. Многообразие и границы неоязычества в современном мире // Ортодоксия. — 2022. — № 3. — С. 12–40. DOI: 10.53822/2712-9276-2022-3-12-40

Проблематикой неоязычества занималось множество отечественных и зарубежных исследователей. Труды В. Шнирельмана (Шнирельман 2012), Х. Бергер (Бергер 1999), М. Йорка (Йорк 1995), Р. Хуттона (Хуттон 2001), О. Смержевской и Р. Шиженского (Смержевская, Шиженский 2010), (Шиженский 2013) и др. авторов занимают достойное место среди исследований данной темы. При этом большинство существующих работ достаточно добротнo описывает конкретные группы, иногда даже в масштабах отдельной страны, но не дерзает выйти на уровень более масштабных заключений о мировой динамике, границах и многообразии форм неоязычества в современном мире с поправкой на диахроническую перспективу.

Язычество — собирательное наименование традиционных политеистических религий разных народов мира, наибольшее распространение которых приходится на период до III в. н. э. *Неоязычество* — совокупность религиозных организаций, общностей и учений, образовавшихся в результате откола от традиционного язычества либо сформировавшихся вокруг идеи возрождения древних либо современных традиционных политеистических религиозных верований, традиций, обычаев и обрядов разных стран мира.

Неоязычество в диахронической перспективе

Внутренняя логика развития любой религиозной организации неизменно предполагает отделение от неё сектантских сообществ (Мартинovich 2018: 272–321). Древнее язычество не являлось исключением. Тот факт, что учёным пока ещё мало что известно о религиозно-сектантских культах, образовавшихся в процессе откола от древнего язычества, не упраздняет логической необходимости их существования. Таким образом, неоязычество не является феноменом исключительно XX–XXI веков, но одним из старейших типов нетрадиционной религиозности. В Древнем мире неоязыческие секты и культы активно создавались в регионах, в большинстве из которых язычество являлось традиционной религией. В древности неоязыческие культы противопоставляли себя не христианству, как это имеет место в современном мире, но традиционному язычеству. На Ближнем Востоке вместе с традиционным язычеством они к тому же противопоставляли себя древнееврейскому монотеизму. Однако сам факт их существования ослаблял традиционное язычество. Таким образом, к неоязычеству относятся как древние секты и культы, возникавшие под непосредственным влиянием язычества, так и современные новые религиозные движения (далее — НРД), появляющиеся в радикальном отрыве от древнего и современного традиционного язычества.

Появление христианства не просто венчает собой множество факторов, приведших к распаду традиционного язычества как доминирующей формы религиозности во всем мире, но, что не менее важно, приводит к изменениям и в нетрадиционной религиозности общества. Неоязыческие секты и культы древности, противостоявшие традиционному язычеству, начинают воевать также с христианством, проигрывают и постепенно уступают место христианским, псевдохристианским, оккультно-мистическим и иным сектантским сообществам.

После появления христианства и ислама традиционное язычество постепенно исчезает в большинстве стран. В то же время в Африке, Азии, Австралии, некоторых регионах Северной и Южной Америки и др. до сих пор сохраняются небольшие анклавы традиционного язычества. Несмотря на преемственность, такие анклавы не являются образцом того, как выглядело язычество в древности в этом же регионе.

Религии с течением времени меняются, и современное традиционное язычество неизбежно будет отличаться от древнего. Преемственность указывает на наличие живой традиции, свидетельствует о её сохранности в сравнении с предшествующим поколением. Однако в течение тысячелетий кумулятивный эффект мелких изменений приводит к серьёзным трансформациям.

Распадаясь, языческие религии в большей или меньшей степени обогащают наиболее жизнеспособными элементами своей религиозно-символической системы окружающую культурную среду. В ней они предстают в секуляризованном виде: статуи богов превращаются из объекта поклонения в объект эстетического любования, религиозные учения — в предания, мифы и легенды, ритуально-обрядовые песнопения — в народное музыкальное творчество и т. д. Так, например, древнегреческий барельеф «Рождение Афродиты» приобрёл статус произведения искусства, религиозное учение об Афродите стало частью литературно-мифологического наследия, а местами сохраняющиеся остатки веры в неё, видоизменённые и лишённые институциональной поддержки, — частью культовой среды общества. К последней относятся нетрадиционные религиозные идеи и практики, разделяемые и исполняемые людьми в индивидуальном порядке, вне контекста какой-либо группы. В границах культовой среды неоязыческие идеи неизменно всплывают в разные столетия и эпохи, преимущественно на уровне фольклора, но иногда и в произведениях интеллектуальной элиты своего времени (см., например, «Роман о Розе» Жана де Мена XIII века).

Ввиду непрерывных изменений содержательного наполнения культовой среды неизвестно, были ли неоязыческие идеи постоянным её компонентом на протяжении всей истории, перед возрождением в общественном дискурсе в конце XVIII века. Исследование этого вопроса важно для понимания истории неоязычества. Но, каким бы ни был ответ, он не отменяет сектантского характера неоязычества в целом. Даже установление факта непрерывного существования неоязыческих идей в границах культовой среды будет говорить не о преемственности с древним язычеством, но о преемственности с древним неоязычеством, т. е. сектантством. Соответственно, по прошествии двух поколений после исчезновения последнего храма Афродиты и культа поклонения ей любой новый религиозный культ, пытающийся возродить почитание Афродиты, автоматически становится частью неоязыческих НРД (например, «Церковь

Афродиты»). По мнению Бергера и Лукмана (Бергер, Лукман 1995), Ассмана (Ассман 2002), Шилса (Шилс 1981), Хальбвакса (Хальбвакс 2007) и др., достаточно разрыва любой традиции в 40 лет, чтобы сделать невозможным её последующее восстановление в прежнем виде. Любая попытка «вспомнить», какой традиционная религия была ранее, и восстановить её приведёт не к реконструкции в изначальной форме, но к созданию принципиально новой традиции, не имеющей, кроме внешнего подобия, ничего общего с древним вариантом. В ещё более радикальной постановке вопроса у Валлерстайна даже непрерывность существования не означает автоматически преемственности и единства содержательного наполнения (Валлерстайн 2001: 401–413).

Возрождение неоязычества

В интеллектуальных кругах Европы интерес к язычеству пробуждается с конца XVIII века. Мощный стимул для обращения к языческой тематике был задан несколькими взаимосвязанными процессами. Концепция «народного духа» И. Г. Гердера (1744–1803) вдохновляла на поиски специфики этого духа для разных народов лучших представителей науки и литературы с конца XVIII века до настоящего времени. Рождение национализма в конце XVIII века и его закалка на полях войны за независимость в Америке и в ходе Французской революции привели в разных странах к активному поиску и прояснению национальных особенностей, в том числе в «славном прошлом». Народы и нации заговорили каждый о своём особом пути, миссии, непреходящем значении в мире. Романтизм в конце XVIII — начале XIX века, с его интересом к природе, фольклору и целому ряду нетрадиционных религиозных идей, облачил их в блестящую художественную форму, сделав привлекательными для масс. Одними из первых к непосредственно языческой проблематике на уровне культовой среды в конце XVIII века обратились путешественники, коллекционеры древностей и предметов искусства. Внимание к язычеству в их исполнении было неразрывно связано с интересом к оккультизму и восточной религиозности. Работа с оригинальными артефактами древних религий, в то время более доступными, а также отсутствие систематических научных знаний и методологии анализа религиозности способствовали развитию представлений о религиозном прошлом и настоящем человечества, нередко переступавших грань сектантства. К числу

наиболее ярких представителей этого течения можно отнести Ф. Дэшвуда (1708–1781), У. Джонса (1746–1794), Р. Найта (1751–1824), Ш.-Ф. Дюпюи (1742–1809), К. Ф. Вольнея (1757–1820) и др. Обращения к теме язычества на страницах трудов самых разных авторов с тех пор не прекращаются.

Появление в начале XIX века фольклористики вывело сбор материалов по народной духовной культуре на качественно иной уровень (см. труды Я. Гримма, И. М. Снегирёва, А. Н. Афанасьева, М. М. Забылина, Э. Лэнга, Э. Лёнгрота и др.). В XX веке работа по сбору и анализу духовного наследия продолжилась, а учёные труды стали активно использоваться при конструировании различных групп неоязычества (например, настольной книгой немецкоговорящих язычников является десяти томная «Энциклопедия немецких суеверий», издававшаяся в период с 1928 по 1942 год и до сих пор непревзойдённая).

Нетрадиционная религиозность не могла не отреагировать на появление столь мощного идейного фона. Возрождение организованных форм неоязыческих НРД было предопределено. Первые организации неоязычников появились в начале XX века. Среди них можно упомянуть «Германское религиозное общество» (осн. в 1907 г. в Германии), «Святой круг последователей Святовита» (осн. в 1921 г. в Польше), «Диевтуриба» (осн. в 1925 г. в Латвии). С того времени неоязыческие сообщества по нарастающей стали появляться в разных странах.

Многообразие организационных форм неоязычества

Неоязычество является одним из 17 типов нетрадиционной религиозности при классификации многообразия её форм по специфике их содержания (Мартинович 2018: 83–172). Все 17 типов по содержанию распределены в рамках шести основных типов нетрадиционной религиозности по структуре. Неоязычество не является исключением.

Неоязыческие секты и культы — имеют сильную организационную структуру, институт постоянного членства, всесторонне развитое вероучение, охватывающее все сферы бытия человека и мира. Неоязыческие секты образуются в результате откола от неоязыческих же сообществ. Неоязыческие культы создаются «на пустом месте», без отделения от иных религиозных групп. Наиболее распространённой формой организации неоязыческих сект и культов является община.

Неоязыческие клиентурные культы — организации, имеющие слабо развитую организационную структуру, институт временного членства и претендующие на полноту знаний в какой-либо конкретной сфере бытия человека и общества. Группы этого типа занимаются организацией тренингов, семинаров, образовательных курсов, периодически повторяющихся акций, направленных на изучение неоязычества, участие в тех или иных ритуалах и обрядах, но не предполагающих полное и длительное вовлечение человека.

Неоязыческие аудиторные культы — отдельные индивиды или небольшие группы лиц, наладившие систему регулярной трансляции неоязыческих идей в массы без какой-либо организации института членства. Этот тип представлен в первую очередь волхвами-одиночками, консультирующими население по вопросам неоязычества в индивидуальном порядке, пишущими книги и статьи, поддерживающими интернет-сайты соответствующей тематики.

Неоязыческая среда общества — сфера неинституализированных форм неоязычества, состоящая из идей и ритуальных практик, разделяемых и исполняемых людьми в индивидуальном порядке без присоединения к каким-либо сообществам и организациям. К этому типу относятся люди, на мировоззрение и поведение которых оказывают влияние неоязыческие идеи. Сквозь их призму они воспринимают свою собственную жизнь, окружающий мир и события в нём, а также под влиянием которых они совершают те или иные ритуалы в одиночку.

Неоязыческие общности и идеи во внутрицерковном сектантстве — всевозможные формы неоязыческих верований, практик и слабо структурированных сообществ, существующие в границах традиционных религий мира вообще и Православной Церкви в частности. Народные формы религиозности, редуцирующие и искажающие ортодоксальное вероучение, являются практически неконтролируемыми образованиями, сопровождающими жизнь всех без исключения религий мира. В ряде случаев они могут включать в себя неоязыческие идеи и практики.

Неоязыческие сектоподобные группы — организации, совмещающие в своих границах не имеющие ничего общего с сектантством элементы с рядом неоязыческих идей и религиозных практик.

Все шесть типов тесно взаимосвязаны между собой.

Причины активного развития и популярности неоязычества, как и любого иного типа нетрадиционной религиозности международ-

ного масштаба, не сводимы к специфике местных социокультурных факторов той или иной страны мира. Они обусловлены особенностями конкретного периода истории, который приводит к популярности одни типы нетрадиционной религиозности и отправляет в небытие другие. Местная специфика, однако, оказывает существенное влияние на степень развития каждого типа на конкретной территории. В каждой стране неоязычество приобретает уникальный и неповторимый портрет, находящийся под влиянием местных социокультурных и иных факторов. Особенности индивидуальной конфигурации неоязычества образуются благодаря различиям в большом количестве переменных, отражающих разные стороны его существования (например, степень представленности и распространённости каждого из шести типов, социальные и демографические характеристики его последователей, уровень интеграции с различными институтами общества, степень активности миссионерской и иных видов деятельности и т. д.).

Мировая динамика неоязыческих организаций

В архиве Синодального центра сектоведения Белорусской Православной Церкви собрана информация по 256 неоязыческим группам из 22 стран мира. Для 204 из них установлено точное время возникновения в период с 1900 по 2019 год, но без учёта их филиалов и представительств

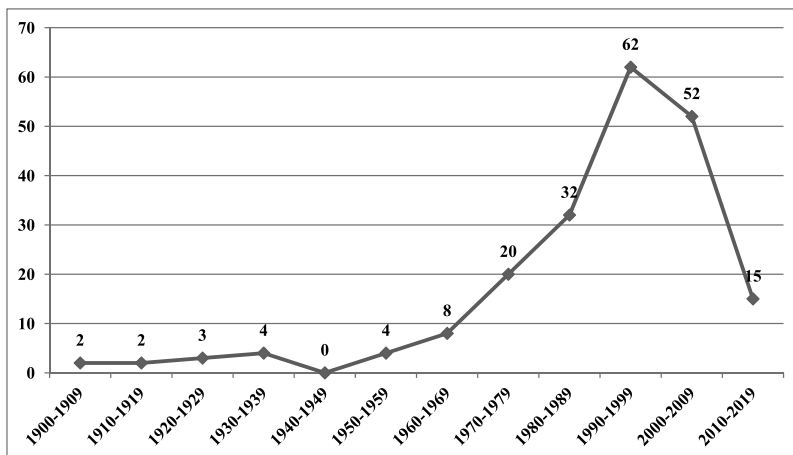

Рис. 1. Мировая динамика появления неоязыческих организаций

(см. рис. 1.). Ввиду отсутствия данных по генеральной совокупности неоязыческих сообществ невозможно оценить степень репрезентативности этой выборки. Однако в настоящее время она является наиболее полной из доступных в научной литературе.

Предварительно можно отметить, что 1990-е годы стали временем появления наибольшего количества неоязыческих обществ по всему миру, а с 2000-х их динамика появления идёт на спад.

Неоязычество и народная культура

Наследие эпохи язычества выходит далеко за рамки языческого религиозного культа и может становиться предметом научного изучения (например, творчество Платона и Аристотеля в философии). Однако наибольший интерес и актуальность в контексте сектоведения представляют исследования народной культуры в рамках искусствоведения, этнографии, фольклористики, антропологии и т. п.

Эти дисциплины достаточно точно фиксируют и описывают всевозможные приметы, суеверия, семейные и календарные обрядовые песни, поэзию, сказки, предания и легенды, заговоры и др. составляющие, важные для анализа элементов неоязычества в культовой среде общества. Для этих наук второстепенно различие между традиционной и нетрадиционной религиозностью. Сектоведение, со своей стороны, также интересуется народным творчеством, но в более узком и специфическом ключе: нетрадиционными религиозными идеями и практиками как его составной частью. При этом оно признаёт работы этнографов, фольклористов и др. в качестве одних из самых серьёзных, надёжных и авторитетных источников по проявлениям неоязычества в народной среде (культовая среда общества), заслуживающих самого внимательного изучения и анализа. Так, например, много ценной информации по язычеству и неоязычеству содержится в более чем 40 томах серии «Традиционная духовная культура славян» издательства «Индрик», выпускаемых под эгидой Института славяноведения РАН.

Государственные программы и общественные проекты по возрождению народной культуры также нередко опираются на труды учёных. Однако достаточно часто вместе с несектантскими её компонентами они способствуют реставрации чисто сектантских неоязыческих практик. Лишь частично секуляризованные религиозно-сектантские идеи

приводят к тому, что одна и та же народная песня одними воспринимается совершенно безобидно, а для других является наполненным глубоким смыслом ритуальным языческим гимном, побуждающим к конкретным действиям. Разжигание костра на праздник Купалы для одних людей — форма развлечения, а для других — ритуальное действие, укореняющее их в неоязычестве.

Возрождение культурно-просветительских и развлекательных комплексов, дач, усадеб, музеев, посвящённых разным богам и мифологическим существам, было бы безобидным занятием, если бы в обществе не находились целые группы людей, воспринимающих такие комплексы в качестве «сакральных мест силы», а также дополнительного стимула к погружению в неоязыческие практики. Ни к чему не обязывающая публикация на страницах СМИ народных примет, продажи самодельных оберегов, а также тысячи разрозненных «индексных выражений», в терминологии Гарфинкеля (Гарфинкель 2007), постоянно возвращают внимание людей к миру неоязыческих символов, идей и смысловых конструкций. Таким образом, границы с неорганизованными формами неоязычества всё ещё заметны для специалистов, но перестают быть очевидны для основной массы населения и институтов общества. Переход этих границ не воспринимается отдельными людьми и организациями в качестве чего-то экстраординарного и необычного. В XX–XXI веках все государства мира, инициировавшие программы по развитию местных народных традиций и культур, сами того не понимая, способствовали формированию серьёзной базы для появления организованных форм неоязычества.

Классификация неоязычества в современном мире

Различные течения современного неоязычества по-разному воспринимают основной объект своего поклонения и интерпретируют его образы и статус. Для одних неоязыческих НРД боги представляют собой личностные существа, для других — архетипические образы, для третьих — персонификацию сил природы.

Боги, исполняющие одинаковые функции в разных культурах (например, Зевс, Юпитер, Тор), могут считаться одним существом либо восприниматься в качестве разных сущностей. Их культы могут смешивать либо, наоборот, разрабатывать для каждого бога свои ритуалы, причём порой

противоречащие друг другу. Аналогичным образом разнятся представления о статусе и месте каждого из божеств в «небесной иерархии», о соотношении их друг с другом, ролях и функции в процессе творения мира и его последующих судьбах. Степень конкретизации образа каждого из божеств варьируется от группы к группе, а культ может быть как обязательным, так и добровольным. Адепту может быть предоставлен выбор, каким божествам, когда и в какой форме он хотел бы принести жертву или послужить. Анализ специфики пантеона 252 неоязыческих НРД позволяет разделить их на три основные группы.

Национальное неоязычество выбирает для поклонения пантеон богов какого-то одного государства или региона. Идентифицируется по стране или региону, божества которых возрождаются, вне зависимости от того, располагается ли сама группа на территории этой страны либо за её рубежами. В качестве объекта поклонения могут быть выбраны боги Египта (например, «Фонд аммонитов»), Месопотамии (например, «Церковь Иштар»), Греции (например, «Орден Артемиды»), скандинавских стран (например, «Асатру»), славянских стран (например, «Союз славянских общин славянской родной веры»), кельтское язычество (например, «ИМБАС») и т. д.

Наднациональное неоязычество выбирает для поклонения в рамках одной группы пантеоны разных регионов, часто смешивая в рамках одного и того же ритуала поклонение богам разных стран и культур. В качестве примера можно привести «Одинистский обряд», «Содружество друидов» и др. НРД, поклоняющиеся божествам индоевропейского региона.

Универсалистское неоязычество выбирает для поклонения некий обобщённый образ древних языческих богов без очевидной привязки к конкретному региону. Так, «Содружество Изиды» поклоняется женским божествам и женскому началу во всех древних религиях одновременно. Объектом почитания «Церкви всех миров» является «Мать Земля» как единый живой организм, проявляющий себя во множестве конкретных форм (божеств) — достаточно популярный мотив среди язычников. В рамках этой же подгруппы Порфирий Иванов говорил о поклонении Природе и жизни в гармонии с ней. Более редкая разновидность неоязычества этого типа представлена группами, настаивающими на сущностном единстве всех древних и современных языческих и неоязыческих традиций между собой и с традиционными религиями (например, «Завет унитариянско-универсалистских язычников»).

Каждая неоязыческая группа имеет более или менее чёткие представления о том, во что «настоящая неоязыческая община» должна верить, где пролегают границы допустимого в ритуальной практике, отношениях с внешним миром и собственными последователями. Все, кто не удовлетворяет означенным критериям, к неоязычникам не относятся. В результате сами же неоязычники проводят разделение между «настоящими» и «ненастоящими язычниками», издадут много трактатов и документов на эту тему (см., например, заявление «Круга Языческой Традиции» и «Союза Славянских Общин Славянской Родной Веры» «О подменах понятий в языке и истории славян и о псевдоязычестве» от 25.12.2009)¹. При этом неоязыческие НРД варьируются по степени взаимной толерантности от признания только своей общины в качестве единственно правильной до универсалистского принятия неоязычества в любых формах.

Вопрос преемственности с древним язычеством

На преемственность с древним язычеством претендуют представители главным образом национального неоязычества, в несколько меньшей степени — наднационального и достаточно редко — универсалистского. Вне зависимости от этого, современное неоязычество всех разновидностей не имеет и не может иметь ничего общего с древним язычеством, живая преемственность с которым безвозвратно утеряна. Возрождение древнего язычества невозможно не только в современном мире — оно было обречено на провал уже спустя несколько десятилетий после исчезновения последних организованных форм традиционных языческих культов. Ссылки неоязыческих НРД на существование в разных странах в те или иные исторические периоды отдельных языческих общин, даже в случае нахождения таковых, не являются аргументом. Ведь такие общины свидетельствуют лишь о существовании разных неоязыческих культов. Более того, они теряют всякое значение на фоне существования в настоящее время в разных регионах традиционных языческих сообществ, *de facto* сохраняющих реальную преемственность.

На территории большинства западных стран существует до нескольких десятков неоязыческих сообществ с отличающимися вероучением

¹ Официальное заявление «Круга Языческой Традиции» и «Союза Славянских Общин Славянской Родной Веры» «О подменах понятий в языке и истории славян и о псевдоязычестве» от 25 декабря 2009 года // www.rodnovery.ru/. — 2009. — 25 декабря. — URL: <http://www.rodnovery.ru/dokumenty/o-podmenakh-ponyatij> (дата обращения 01.08.2021).

и ритуальной практикой. Так, только на территории России, Беларуси и Украины документально зафиксирована деятельность не менее 130 неоязыческих групп (без учёта их филиалов). Они относятся ко всем трём типам неоязычества и пытаются «восстановить» язычество, существовавшее на протяжении нескольких тысячелетий. Претендуя на восстановление древних культов, они совершенно по-разному представляют себе основы веры исторических язычников. Даже если гипотетически предположить, что одно из таких учений точно смогло воспроизвести древние верования, то все остальные автоматически оказываются некорректными. То есть сама логика претензий на преемственность и возрождение древних верований допускает возможность существования только одной версии, причём не на «любой на вкус и выбор неоязычников», а только той, которая разделялась язычеством на момент распада его организованных форм. Система доказательства легитимности учения и практики неоязычников должна включать не только задокументированную историю преемственности, но и подробное, документально подтверждённое, описание учения и культовой практики язычников конкретного региона на момент исчезновения последних их организованных групп. Однако вместо поисков необходимой информации о былом язычестве неоязычники придумывают новые, достаточно оригинальные концепции, которые, с одной стороны, выделяют их среди общей массы аналогичных групп, а с другой, увеличивают их неспособность договориться друг с другом и ещё сильнее отдалают от языческого идеала прошлого. В лучших традициях принципа свободы вероисповедания они сами считают это многообразие нормой, что, в свою очередь, увеличивает их разрыв с древностью. В истории язычества настоящего региона в одной местности не могло быть такого большого количества сильно отличающихся друг от друга учений и практик.

О непреодолимой дистанции современного неоязычества с древним язычеством свидетельствует и следующее.

А) Неоязычество XX–XXI веков глубоко интегрировано в современное информационное общество. Оно находится в зависимости от производства собственных текстов (слов, заявлений, обращений, петиций, деклараций, статей, книг) и должно реагировать на чужие. С конца XX века каждый год неоязычниками создаётся больше текстов, чем за всю историю древнего язычества. Более того, ими фальсифицируются якобы древние тексты, свидетельствующие об истинной вере и укладе жизни (например, древних славян). К числу крупнейших подобных подделок, очевидных

при лингвистическом анализе, относятся: «Гимн Бояна» и «Вещания славянских жрецов» (начало XIX в.), «Велесова книга» (середина XX в.), «Славяно-арийские веды» (конец XX — начало XXI в.) и др.

Б) Древнее язычество не знало какофонии и хаоса текстов и смыслов. Во многих регионах оно вообще не фиксировалось письменно (например, язычество на Руси). И даже в странах с развитой письменной культурой (например, в Древней Греции) тексты не лежали в основании всего строя языческой жизни, но являлись лишь дополнением к нему: практика была первична. Историческому язычеству чуждо стремление к бесконечным поправкам и уточнениям своего вероучения и своей позиции. Оно не знало столь быстрых и многочисленных трансформаций в собственном вероучении за краткие периоды времени, как это происходит в современных неоязыческих НРД. Языковая и текстовая культура неоязычников отдаляет их от древнего язычества. Неоязычество говорит на ином культурном языке, неизвестном древним. На именах отдельных богов, а также на отдельных терминах, воспроизвести историческую систему языческого учения невозможно. В результате в среде неоязыческих сект активно распространяется новояз, не имевший аналогов в древности.

В) Существует непреодолимая дистанция в мировоззрении, мировосприятии и мироощущении между древними язычниками и современными неоязычниками. История успешного роста и развития цивилизации без язычества мешает неоязычникам, не укладывается в их мировоззрение, а потому вызывает у них непреодолимое стремление объяснить самим себе и окружающим, где же они были последние две тысячи лет. Их интерес к прошлому выходит далеко за рамки восстановления учения и ритуалов древних язычников. Их тянет заглянуть в прошлое своей страны и человечества в целом, выстроить какую-то хронологию событий, дать своё объяснение разным историческим фактам и деятелям, что-то рассказать из того, «как было раньше», с ностальгией вспомнить о былом «золотом веке», выявить в ткани истории своих мнимых союзников и таких же мнимых врагов, что-то доказать. При этом само по себе наличие развитой исторической памяти у древних язычников, особенно не знавших письменности, ещё требует доказательства. Неоязычники не готовы к настоящему язычеству, скупому на слова, чуждому любых теоретизирований, не проявляющему интереса к своему прошлому, не задающему лишних вопросов, не переживающему о саморекламе, но целиком ориентированному на быт и повседневность.

Г) Логика возврата к язычеству требует также отказа от всевозможных достижений цивилизации: от роскоши, которую не могут и не хотят позволить себе неоязычники, пользующиеся телефонами, приезжающие на места своих служений на автомобилях, пользующиеся системой Интернет. Кроме того, неоязычники вынуждены реагировать на огромное количество явлений современного общества, которые были неизвестны древнему язычеству. Уже сам этот факт формирует атмосферу жизни, которая была неизвестна древним. С другой стороны, современные люди не имеют представления о проблемах, с которыми сталкивались древние язычники, и категорически не готовы решать собственные проблемы так, как это делали их «собратья по вере», — например, перейти на уровень медицинского обслуживания тысячелетней давности, получать образование того же качества и уровня и т. д.

Д) Древнему язычеству было чуждо миссионерство. Прекращение попыток обращения людей в неоязычество было бы естественным следствием глубокого и последовательного обращения к язычеству. Однако такой отказ означает для современного неоязычества вымирание. Таким образом, само стремление обращать людей в свою веру — наглядное свидетельство сектантской природы неоязычников. Миссией занимались христиане, мусульмане и др., но для них она являлась нормой жизни. Для традиционных язычников (за редкими исключениями) миссия — отклонение от нормы.

Е) Представители древнего язычества не убегали от доминирующего общества в леса, а, наоборот, максимально и гармонично интегрировали своё учение и практики в жизнь общества. Постепенное осознание древними язычниками альтернатив собственной вере стало одним из факторов упадка и внутреннего разложения их религии. Для современных неоязычников понимание этих альтернатив является отправной точкой и ещё одним приговором, предопределяющим невозможность возврата в прошлое.

Ж) Неоязыческие НРД часто пытаются «возродить» у себя на родине язычество иных стран и регионов мира (например, скандинавское язычество в России, греческое и славянское — в США и т. д.). Столь высокий уровень толерантности к чужеземным культам вполне представим для отдельных языческих стран прошлого (например, Римской империи), но он не был характерен для подавляющего большинства остальных язычников. Чуждо им было также стремление соединить в рамках одного культа поклонение нескольким божествам из разных религий.

3) Неизвестны для древнего язычества были распространенные среди неоязычников школы и академии изучения язычества (например, «Родноверческая академия вероведания», «Духовная академия родноверов»), а тем более система дистанционных курсов обучения неоязычеству и сдачи тестов на освоение язычества. Языческие народы могли заключать военные союзы и альянсы, но для них сложно было представить межгосударственные объединения по принципу веры (например, «Международная федерация язычников», 1971, Великобритания; «Универсальная федерация язычников», 1991, США и др.). То же касается и национальных союзов разных неоязыческих общин — ввиду отсутствия столь существенной и естественным образом непримиримой разности учения и культа на одной территории у древних язычников (например, «Круг языческой традиции», «ССО СРВ» и др.).

Таким образом, чем более скрупулезно, активно и целеустремленно неоязычники стремятся «возродить» древнее язычество в его «первоначальной форме», тем меньше у них шансов на выживание в современном мире. Последовательная работа в этом направлении приводит к маргинализации и естественному отдалению от общества, уменьшению влияния на него. Формула успеха неоязычества в XX–XXI веках состоит в том, чтобы достаточно правдоподобно симитировать возрождение древнего язычества без радикального отказа от всего того, что для него было чуждо и с ним несовместимо, то есть от всех благ цивилизации, а также от большого количества самых разных учительных идей и концепций. Современный человек не захотел бы откликнуться на настоящее язычество. Он отвернулся бы от него, как от чего-то совершенно нежизнеспособного и чудовищно неактуального для XXI века.

В неоязычестве вдохновляют внешняя форма, пестрота красок, необычность действий, увлекательный сюжет. Активно распространяется языческая символика (в версиях разных традиций), производятся всевозможные атрибуты «языческого быта», ритуальные и просто нарядные «древние одежды», предметы культа. Создаются музыкальные коллективы, исполняющие песни на соответствующие темы либо «возрождающие» музыку и песенные традиции древности (например, «Сварга»). Производятся «реконструкции» якобы древних рецептов языческих блюд и напитков (например, «Похлёбка Перуна»), традиционных языческих игр (например, «Медведь и вожак»), создаются скульптуры и картины,

красочно доносящие различные эпизоды из жизни древних (например, картины В. Иванова или К. Васильева).

Возможность купить и/или продать практически любые атрибуты неоязыческого культа и практики улучшают экономическую базу их производителей, но не способствуют сплочению неоязыческих организаций, качественному развитию их учительной и ритуальной практики. По мнению ряда исследователей, они способствуют даже разобщению неоязыческих культов, всё чаще конкурирующих друг с другом за внимание населения и платёжеспособных граждан (Валдрон 2005). Собрания и ритуалы неоязычников естественным образом приобретают ярко выраженные игровые и развлекательные элементы. Простота и примитивность верования, привязанность к внешним формам являются их неизменным атрибутом. Однако глубина в данном случае и не нужна, по крайней мере, для успеха организации. Именно поэтому основным конкурентом неоязычников в борьбе за внимание людей является не Православная Церковь, существующая совсем в другой реальности, а НРД других типов, а также индустрия путешествий, развлечений и серьёзных хобби, спорт-клубы, всевозможные клубы исторической реконструкции, в том числе специализирующиеся на игровом варианте восстановления древних религий (например, «Новый Рим»), ролевые игры и т. д.

Неоязычники нередко интерпретируют преемственность с древним язычеством как возрождение духовного наследия предков в его наиболее важных и значимых частях. Такие НРД предпочитают говорить о реконструкции наиболее важных, значимых и ценных идей и смыслов религии древних. Однако отделить значимые от второстепенных идей можно, лишь имея целостное и глубокое понимание языческой религии и верований, каковые отсутствуют даже у учёных. В результате «реконструкция древнего язычества» сводится к обычному позиционированию в качестве древних своих собственных представлений о значимых идеях язычества. В среде неоязычников можно встретить также примеры осознанного отказа от преемственности и обычное конструирование собственного религиозного мировоззрения «по мотивам» древнего язычества, как оно представляется человеку. Такой подход честнее по отношению к самим себе и внешнему миру. Он наиболее точно отражает процесс, протекающий во всех неоязыческих группах.

Ведьмовство

Наглядный пример успешного отказа от преемства с древним язычеством при сохранении соответствующих претензий представляют собой ведьмовские, или викканские, культы (от ст.-англ. *wicca* — ведьма) — одна из наиболее популярных форм неоязычества на Западе.

Их родоначальником считается Джеральд Гарднер (1884–1964), утверждавший, что получил посвящение от некоей Старой Дороти — лидера древнего ведьмовского ковена, якобы состоявшего в линии преемственности с ведьмами времён инквизиции. В 1951 году в Англии был отменён Акт о ведьмовстве 1735 года, предусматривавший наказания за претензии на обладание ведьмовским даром и способностями. Практически сразу после этого Гарднер и ряд других авторов начали издавать книги по ведьмовству, в которых оно представлялось в качестве легитимного наследника древней языческой религии Англии, чудом сохранившегося до наших дней. В книгах разъяснялись верования, ритуалы, праздники и форма организации ведьмовских культов. Эти труды вдохновили появление нескольких десятков ведьмовских ковен, начинающих именовать себя «Виккой». В репертуар викканских культов входили ритуальные танцы и обряды на открытом воздухе (в том числе голышом), поклонение разным богиням и божествам у домашних алтарей и на природе, «жизненной силе мира», организация всевозможных «магических» ритуалов, всевозможные религиозные празднества и фестивали (например, четырёхдневный сезонный фестиваль в начале каждого времени года и др.). Женские викканские кованы доминируют по количеству групп и членов над смешанными группами, а строго мужские кованы являются исключением. В рамках культовой среды появляются также частные практики Викки, при которых человек создаёт у себя дома большой алтарь разным божествам и поклоняется им в одиночку без привлечения сторонних наблюдателей, без работы с клиентами и какой-либо иной огласки. В США Викка получила даже бóльшую популярность, чем в Англии и др. странах. В настоящее время все ведьмовские кованы мира можно условно разделить на три «традиции»: а) гарднерианскую Викку — строгий вариант реконструкции языческого учения и ритуала; б) александрийскую Викку (осн. Александр Сандерс) — размытый вариант реконструкции языческого учения с примесью каббалы и др.; в) независимые НРД, под влиянием разных трудов по викканству и неоязычеству создающие свои версии ведьмовских ковен.

Локальные особенности неоязычества разных стран

Стилистика саморекламы и работа с окружающим миром неоязычников Западной Европы и Америки несколько отличается от аналогов в Восточной Европе. Во-первых, в материалах западных неоязычников присутствует намного меньше конфронтационных и критических по отношению к христианству и иным религиям материалов. Во-вторых, на Западе неоязыческие НРД более открыты, любой человек может получить самые подробные разъяснения по содержанию учения и тонкостям ритуальной практики, не становясь сам язычником.

С достаточно интересной дилеммой столкнулись неоязычники США. Во-первых, поздняя колонизация страны закрывала возможность спекуляций на традиционную для неоязычников других стран тему «неразрывной и глубокой духовной связи с предками», «жившими на родной земле на протяжении тысячелетий». Во-вторых, религиозные традиции индейцев США, пусть изрядно подорванные и находящиеся на грани вымирания, являются единственным очагом настоящего язычества в стране. Однако знакомство с индейскими религиозными практиками — язычеством с огромной историей и сохраняющим преемственность — не слишком впечатлило и ещё меньше обрадовало неоязычников США, потому что не соответствовало их искусственно сконструированным представлениям о том, каким же на самом деле было древнее язычество.

Также мало вдохновляет современных неоязычников богатый мир языческих верований и традиций австралийских аборигенов и традиционных язычников из большинства других анклавов (например, язычество в Республике Марий Эл Российской Федерации). Австралийцы, фактически соседствуя с настоящими традиционными язычниками, предпочитают заимствовать образцы неоязыческих практик из Европы и Америки, не имеющие шансов на статус традиционных ни в одной точке мира. Настоящие язычники чужды современным неоязыческим НРД точно так же, как были чужды древние язычники неоязыческим сообществам древности. Экспериментируя с поисками новых форм языческой практики, исконных для США, некоторые из американских неоязычников приходят к вопросу интеграции праздников гражданской религии страны в круг неоязыческих празднеств, разрабатывают неоязыческие молитвы «Правосудию», «Свободе», «Демократии» и, что весьма показательно,

«Отцам основателям страны», «Авторам конституции», «Первым мигрантам в Новую Англию» (например, «Ар нДрайохт Фейн» (Ar nDraiocht Fein). Попытки интеграции современных государственных праздников и памятных дат могут быть вызваны не только отсутствием собственных древних традиций, но и стремлением подчеркнуть свою поддержку национального государства (см., например, празднование некоторыми украинскими неоязычниками «Дня Независимости», а также памятных дат, связанных с Т. Шевченко, И. Франко, Л. Украинкой).

Экологические темы в неоязычестве

Осознанное творчество в среде неоязычников приводит к большому распространению в их среде идей и практик, не имеющих никакого отношения к язычеству. Эти идеи и практики могут заимствоваться из других типов нетрадиционной религиозности либо конструироваться, опираясь на популярные в обществе идеи. Наиболее показательным примером является концепция защиты природы и жизни в гармонии с ней, которые якобы изначально были существенной характеристикой древнего язычества. Для наиболее полного и последовательного воплощения этой идеи сформировалось целое течение, так называемое «экологическое неоязычество», или «экоязычество», представленное десятками различных групп (например, «Экологическая сеть “Дракон”»). В дополнение к своей неоязыческой составляющей они занимаются борьбой за сохранение окружающей среды. В рамках этой же идеи большинство неоязычников стремится проводить свои ритуалы на природе, а многие создают общины в сельской местности. Всё это представляется исконно языческим образом жизни. Однако уважение к природе и всевозможные экологические инициативы сами по себе не имеют корней в древнем язычестве, широко распространены в современном обществе, имеют серьёзную поддержку со стороны христианства и как таковые заслуживают всяческого одобрения в любом контексте. Любить природу можно и нужно, хорошо, что неоязычники это понимают, но ничего специфически языческого в этом послыше нет.

Императив жизни в гармонии с природой был неизвестен древним язычникам. Они просто жили, а идеал «жизни в гармонии с природой» появился лишь в результате бурного развития научно-технического

прогресса. Внутренняя логика развития древнего языческого общества не сближала его с природой, а наоборот, всё сильнее и сильнее отталкивала и отдаляла от неё. При этом языческие жрецы играли далеко не последнюю роль в укреплении и развитии зачаточных форм науки и техники. Сакрализация сил природы, присутствовавшая у язычников, вовсе не идентична императиву «жизни в гармонии с природой». По мере исторического развития она всё сильнее вступала в противоречие с необходимостью эксплуатации природных ресурсов, что оказывалось важным условием укрепления и роста языческих же обществ. Неспособность язычества справиться с этим противоречием и множеством иных вызовов времени обеспечила его нежизнеспособность ещё до встречи с христианством, давшим новую надежду для языческого мира и по-новому определившим место и роль человека в окружающей среде и обществе.

Неоязычество и Православная Церковь

Отношение неоязычников к Православной Церкви сильно дифференцировано. Оно варьируется от доброжелательного и нейтрально-равнодушного до ярко негативного. Периодически разные неоязыческие группы берут для себя наименования, которые могут ввести в заблуждение относительно их принадлежности к Церкви: «Община “Православие”», «Родная Православная Вера», «Русское Православное Коло» и др. В XXI веке делались серьёзные попытки примирения православия с неоязычеством на уровне вероучения. Наглядный пример представляет собой т. н. «Русская Северная Традиция», заявляющая, что православие на самом деле — исконно русская вера, существующая на территории Руси уже две тысячи лет. По их учению, «пресвятая троица», «единый бог в трёх лицах» — Великий Триглав послал сына своего едиnorodного Дажьбога (отождествляемого с Иисусом Христом) на Землю. Воплощение на Земле Иисуса Христа якобы было предсказано в трудах русского ведизма намного раньше, чётче и понятнее, чем в Ветхом Завете, а приходил Христос в русские земли с проповедью ведизма и послал апостола Андрея, посвятившего первых русских священников... и волхвов. Заслуга равноапостольного князя Владимира состояла лишь в придании православию статуса государственной религии.

До патриарха Никона же русские поклонялись как Великому Триглаву, «троице», так и двенадцати младшим богам, но впоследствии несколько отошли от правой веры. Следуя этой логике, «настоящий православный» должен постигать в полноте свою веру, как она сохранилась и дошла до нас по источникам русского ведизма, Северной Традиции. Аналогичные попытки синтеза с христианством предпринимают языческие группы и в иных странах (например, «Древняя венгерская церковь талтоса»).

Негативное отношение других групп проявляется в соответствующей риторике, детально проработанном для новоприбывших ритуале «раскрещивания» (также: «снятия веры», «очищения от крещения», «очищения от чужeverия»), включающем прямое отречение от Христа. При этом неоязычники не спешат дать пояснения относительно исторических корней данного ритуала, а также основных форм его бытования во времена наибольшего расцвета язычества: до нашей эры.

Встречаются порой и призывы к насилию в отношении представителей Церкви. Некоторые книги, брошюры, газеты и иные информационные материалы неоязычников, содержащих жёсткие выпады против христианства, официально признаны в Российской Федерации экстремистскими (например, «Удар русских богов» В. А. Истархова). Зафиксированы отдельные факты криминала со стороны наиболее радикальных неоязыческих групп в отношении Православной Церкви (например, сожжение храма в г. Королев Стан в Беларуси, взрыв в храме в г. Владимир в России и т. д.). С другой стороны, в среде неоязычников есть также радикальные не столько по выпадам против Церкви, сколько по сути своего учения туды и течения, сближающие неоязычество с ритуалами чёрной магии и сатанизма (например, «Шуйный путь», «Чернобожие», «Кривдославие»). При этом значительное число неоязычников выступает против любых крайностей и осуждает всевозможные проявления экстремизма, антихристианства, антисемитизма и ультранационализма. Однако у них нет ни сил, ни средств, ни возможностей повлиять на исчезновение этих негативных явлений в своей среде.

Язычество и неоязычество в их древнем и современном исполнении являют наиболее наглядный пример нарушения первых двух заповедей: *Я Господь, Бог твой... да не будет у тебя других богов пред лицом Моим. Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли; не поклоняйся и не служи*

им (Исх. 20:2–5). Священное Писание критикует древнее язычество (несмотря на его традиционный для тех времён статус), причём более активно, чем все остальные типы религиозности и сектантства вместе взятые, *Ибо все боги народов — идолы* (Пс. 95:5). Несмотря на существенные отличия неоязычества от традиционного язычества, один элемент у них остаётся схожим: политеизм (пусть и в иных формах, в сопряжении с иными учениями и т. д.). Весь массив релевантных мест из Ветхого и Нового Заветов одинаково относится к язычеству и неоязычеству, посвящён критике:

А) Язычества и идолослужения в целом²;

Б) Отдельных форм языческой практики в виде культа священных рощ, деревьев и дубрав, высот, столбов, кумиров, изваяний и статуй, солнца, луны, камней, домашних божеств (терафимов), проведений через огонь, обычных и человеческих жертвоприношений³;

² Исх. 20:2–7, 22–23; Исх. 22:20; Исх. 23:13, 23–25, 31–33; Исх. 34:11, 17; Лев. 19:4; Чис. 33:51–52; Втор. 4:15–29; Втор. 5:6–10; Втор. 6:14–15; Втор. 7:16, 25; Втор. 9:16–21; Втор. 11:16–17, 26–28; Втор. 12:2–3, 29–30; Втор. 13:1–18; Втор. 17:2–5; Втор. 27:15; Втор. 28:13–14; Втор. 29:18, 25–28; Втор. 30:17–18; Втор. 31:16–21; Втор. 32:16–19, 37–39; Нав. 23:7–8, 16; Нав. 24:14–24; Суд. 2:1–4, 11–23; Суд. 5:8; Суд. 10:6–7, 13–16; 1 Цар. 8:7–9; 1 Цар. 2:21; 1 Цар. 15:22–23; 3 Цар. 9:6–9; 3 Цар. 11:4–13; 3 Цар. 12:28–33; 3 Цар. 13:33–34; 3 Цар. 14:9–16, 22–23; 3 Цар. 16:12–13, 25–26; 4 Цар. 17:7–18, 28–41; 4 Цар. 21:2–15, 20–22; 4 Цар. 23:4–25; 1 Пар. 5:25–26; 1 Пар. 14:12; 1 Пар. 16:24–26; 2 Пар. 7:19–22; 2 Пар. 13:8–9; 2 Пар. 24:18–19; 2 Пар. 25:14–15, 20; 2 Пар. 28:1–4, 23–25; 2 Пар. 30:14–15; 2 Пар. 33:1–17, 21–22; 2 Пар. 34:3–7, 24–25; Тов. 14:6; Иудифь 3:7–8; Пс. 15:4; Пс. 30:7; Пс. 32:10; Пс. 43:21–22; Пс. 80:9–11; Пс. 96:7–9; Пс. 105:19–23, 35–39; Пс. 113:10–16; Пс. 134:5, 15–18; Прем. 13 (вся гл.); Прем. 14:8–31; Прем. 15:8–19; Посл. Иер. 1:4–72; Ис. 2:17–21; Ис. 10:10–11; Ис. 45:20–21; Иер. 1:16; Иер. 2:7–13, 20–28; Иер. 5:18–19; Иер. 7:5–10, 17–20; Иер. 10:2–5, 14–15; Иер. 11:11–14, 17; Иер. 12:14–17; Иер. 13:10; Иер. 16:10–13; Иер. 22:8–9; Иер. 25:5–7; Иер. 35:15; Иер. 43:10–13; Иер. 44:2–9, 15–30; Иер. 50:2, 38; Иер. 51:17–18; Иез. 6:3–14; Иез. 8:7–18; Иез. 14:1–11; Иез. 16 (вся гл.); Иез. 18:5–17; Иез. 20:7–40; Иез. 22:3–4; Иез. 23 (вся гл.); Иез. 33:25–28; Иез. 36:18–19; Иез. 37:23; Иез. 44:10–12; Дан. 3 (вся гл.); Дан. 5:22–28; Дан. 14:3–27; Ос. 2:8–17; Ос. 8:4–6, 14; Ос. 10:1–2; Ос. 11:1–2; Ос. 14:9; Иоил. 3:4–5; Ам. 2:4–5; Иона 2:9–10; Мих. 1:5–7; Наум. 1:14; Авв. 2:18–19; Соф. 2:11; Зах. 13:2–6; Вар. 1:21–22. Вар. 4:6–7; 1 Мак. 1:11–15, 41–61; 1 Мак. 2:15–26, 45–48; 1 Мак. 5:43–44, 68; 1 Мак. 13:47–48; 2 Мак. 6:1–11, 18–31; 2 Мак. 7 (вся гл.); 2 Мак. 10:1–2; 3 Мак. 2:20–22; 3 Езд. 1:6; 1 Пет. 4:3; 1 Ин. 5:21; 1 Кор. 5:9–13; 1 Кор. 6:9–10; 1 Кор. 8:1–13; 1 Кор. 10:7, 14–31; 1 Кор. 12:1–3; Гал. 4:8–11; Еф. 5:3–5; Кол. 3:5–7; Откр. 2:14–15, 20–21; Откр. 9:20–21; Откр. 21:8; Откр. 22:14–15.

³ Ис. 27:9; Исх. 34:11–17; Лев. 26:1; Втор. 7:3–4; Втор. 12:2–3; Втор. 16:21–22; Втор. 17:1–7; 2 Пар. 14:2–5; 3 Цар. 11:4–13; 4 Цар. 15:3–5, 34–35; 4 Цар. 16:2–4; 4 Цар. 17:7–18, 28–41; 4 Цар. 18:3–5; 4 Цар. 21:2–15; 4 Цар. 23:4–25; 2 Пар. 14:2–5; 2 Пар. 15:16–17; 2 Пар. 17:3–6; 2 Пар. 21:11; 2 Пар. 24:18–19; 2 Пар. 28:1–4, 23–25; 2 Пар. 31:1; 2 Пар. 33:1–17; 2 Пар. 34:3–7; Иудифь 3:7–8; Пс. 77:56–58; Пс. 105:35–39; Пс. 113:10–16; Пс. 134:15–18; Прем. 12:3–7; Прем. 13 (вся гл.); Прем. 14:23–24; Прем. 15:8–19; Сир. 30:18–21; Ис. 2:17–21; Ис. 10:10–11; Ис. 19:1–3; Ис. 27:9; Ис. 30:22; Ис. 31:6–7; Ис. 37:18–19; Ис. 40:15–24; Ис. 41:21–29; Ис. 42:8, 17; Ис. 44:9–25; Ис. 46:5–9; Ис. 48:3–7; Ис. 57:3–8; Ис. 65:2–7; Ис. 66:17–18; Иер. 2:20–28; Иер. 3:1–10, 23; Иер. 7:30–31; Иер. 19:5; Иер. 32:35; Иер. 48:35; Посл. Иер. 1:4–72; Иез. 6:3–14; Иез. 8:7–18; Иез. 18:5–17; Иез. 20:7–40; Ос. 4:11–13; Мих. 1:5–7; Мих. 5:12–14; Зах. 10:1–2; 2 Мак. 2:2; 3 Езд. 16:69.

В) Культа конкретных языческих богов разных народов (например, Адрамелех⁴, Анамелех⁵, Астарта⁶, Астароф⁷, Ашима⁸, Ваал⁹, Веельзевул¹⁰, Гермес¹¹, Дагон¹², Дионис¹³, Зевс¹⁴, Иамнийский идол¹⁵, Молох (Милхом)¹⁶, Нергал¹⁷, Нивхаз¹⁸, Ремфан¹⁹, Суккот-Беноф²⁰, Тартак²¹, Хамос²², Фаммуз²³, Юпитер²⁴, боги Египта в целом²⁵).

Языческие жертвоприношения, поклонения идолам, капища, священные рощи и деревья, а также языческие празднества, в т. ч. с прыжками через костёр, осуждаются разными канонами Церкви (например, Правилем святых апостолов №71, Правилами Анкирского Поместного Собора №24, Карфагенского Поместного Собора №69 и №95, Правилами №62 и №65 VI Вселенского Собора). Святые отцы и учителя Церкви первых четырёх столетий прямо или косвенно критиковали языческие культы, преимущественно тех божеств, с которыми имели непосредственное соприкосновение (главным образом греко-римских) либо о которых были наслышаны. Так, например, св. Иустин Философ критикует

⁴ 4 Цар. 17:28–41.

⁵ 4 Цар. 17:28–41.

⁶ Нав. 24:36; Суд. 2:11–15; Суд. 3:7–8; 1 Цар. 7:3–4; 3 Цар. 11:4–13, 33–35; 3 Цар. 15:11–13; 4 Цар. 17:7–18, 28–41; 4 Цар. 21:2–15; 4 Цар. 23:4–25.

⁷ Нав. 24:36.

⁸ 4 Цар. 17:28–41.

⁹ Числ. 25:1–5; Втор. 4:3; Суд. 2:11–15; Суд. 3:7–8; Суд. 6:25–32; Суд. 8:33–34; 1 Цар. 7:3–4; 3 Цар. 16:30–33; 3 Цар. 18:17–40; 3 Цар. 22:52–53; 4 Цар. 10:18–27; 4 Цар. 11:18; 4 Цар. 17:7–18, 28–41; 4 Цар. 21:2–15; 4 Цар. 23:4–25; 2 Пар. 17:3–6; 2 Пар. 23:16–17; 2 Пар. 24:7; 2 Пар. 28:1–4; 2 Пар. 33:1–17; 2 Пар. 34:3–7; Иер. 2:7–13; Иер. 2:20–28; Иер. 7:5–10; Иер. 9:13–16; Иер. 11:11–14, 17; Иер. 19:3–6; Иер. 23:13, 27; Иер. 32:28–35; Ос. 2:8–17; Ос. 9:10; Ос. 11:1–2; Ос. 13:1–4; Соф. 1:4–6; Тов. 1:5–12; Посл. Иер. 1:40.

¹⁰ 4 Цар. 1:2–4, 16.

¹¹ Деян. 14:11–18.

¹² 1 Цар. 5:2–5; 1 Мак. 10:84.

¹³ 2 Мак. 6:7–8; 3 Мак. 2:20–22.

¹⁴ Деян. 14:11–18.

¹⁵ 2 Мак. 12:39–40.

¹⁶ Лев. 20:2–5; 3 Цар. 11:4–13, 33–35; 4 Цар. 23:4–25; Иер. 32:35; Ам. 5:25–26; Деян. 7:43.

¹⁷ 4 Цар. 17:28–41.

¹⁸ 4 Цар. 17:28–41.

¹⁹ Ам. 5:25–26; Деян. 7:43.

²⁰ 4 Цар. 17:28–41.

²¹ 4 Цар. 17:28–41.

²² Чис. 21:29; Суд. 11:24; 3 Цар. 11:4–13, 33–35; 4 Цар. 23:4–25.

²³ Иез. 8:7–18.

²⁴ 2 Мак. 6:2.

²⁵ Иер. 43:10–13; Иез. 20:7–40; Иез. 30:13.

человеческие жертвоприношения у язычников, а также культы Диониса, Семелы, Аполлона, Прозерпины, Афродиты, Адониса, Эскулапа, Кроноса, Фемиды, Ахиллеса, Минервы, Молоха, Юпитера, Бахуса и Геркулеса. С течением времени критика язычества у святых отцов несколько ослабевает, а критикуемые боги меняются в соответствии с местностью, в которой они жили и трудились.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. — М. : Медиум, 1995. — 323 с.

Валлерстайн И. Государства в институциональном водовороте капиталистической мирозкономики / Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. — СПб. : Университетская книга, 2001. — С. 401–413.

Гарфинкель, Г. Исследования по этнометодологии. — СПб. : Питер, 2007. — 335 с.

Мартинович В. А. Сектанство: возникновение и миграция. Материалы к изучению нетрадиционной религиозности. — М. : Издательский дом «Познание», 2018. — 552 с.

Сморжевская О. А., Шиженский Р. В. Современное язычество в религиозно-культурной жизни. — Нижний Новгород : НГПУ, 2010. — 304 с.

Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. — М. : Новое издательство, 2007. — 348 с.

Шиженский Р. В. Философия доброй силы: жизнь и творчество Доброслава (А. А. Добровольского). — М. : «Орбита-М», 2013. — 272 с.

Шнирельман В. Русское родноверие: неоязычество и национализм в современной России. — М. : ББИ, 2012. — 302 с.

Assmann J. Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen. — München : C. H. Beck, 2002. — 344 p.

Berger H.A. A Community of Witches. Contemporary Neo-Paganism and Witchcraft in the United States. — South Carolina : University of South Carolina Press, 1999. — 148 p.

Hutton R. The Triumph of the Moon. A History of Modern Pagan Witchcraft. — Oxford: Oxford University Press, 2001. — 486 p.

Shils E. Tradition. — Chicago: University of Chicago Press, 1981. — 334 p.

Waldron D. Witchcraft for Sale! Commodity vs. Community in the Neopagan Movement // Nova Religio. — 2005. — 9(1). — P. 32–48.

York M. The Emerging Network. A Sociology of the New Age and Neo-Pagan Movements. — Boston : Rowman & Littlefield, 1995. — 372 p.

Сведения об авторе:

Мартинович Владимир Александрович — доктор теологии Венского университета, кандидат социологических наук, заведующий кафедрой апологетики Минской духовной академии, председатель Синодального центра сектоведения Белорусской Православной Церкви, 220030, Минск, ул. Зыбицкая, 27, e-mail: nrmsect@yandex.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 03.10.2022; одобрена после рецензирования 11.11.2022; принята к публикации 13.12.2022.

Diversity and Boundaries of Neopaganism in the Modern World

V. A. Martinovich

MINSK SPIRITUAL ACADEMY,
MINSK, BELARUS

Abstract. This paper analyzes diverse forms of modern neopaganism. The author provides definitions of paganism and neopaganism that are adjusted for the diachronic perspective. It has been argued that neopaganism as a distinct type of non-traditional religiosity that confronts traditional religions, including traditional paganism, appeared not in the 20th century. Instead, it dates back to the heyday of the world paganism in the centuries before the Current Era. The paper describes boundaries between neopaganism and its environment, including within the folk culture. It highlights the role of state programs for the revival of the folk culture and arts and crafts in the strengthening and development of neopaganism. To clarify its variable organizational boundaries, a typology of neopaganism is given according to the degree of the structural development of its variants. Its variable content specifics is catalogued within a classification made on the basis of the analysis of pantheons features in 252 neopagan organizations. A sample of 201 groups from 22 countries shows the dynamics of the emergence of neopagan groups in the 20th and 21st centuries, peaking in the 1990s and subsequently decreasing. The impossibility of continuity between modern neopaganism and ancient paganism is examined in detail. The strategies of the work of neopagan communities against the background of the actual impossibility of establishing such continuity are revealed. The problem of the local specifics of neopagan communities is raised, including the influence of the cultural gap between the current inhabitants of countries and their predecessors who used to lived in

the same territories (e.g. in the USA). The attention of neopagans to environmental problems is analyzed. The author provides examples of the variable attitude of neopagans to the Orthodox Church and illustrates the attitude of the Church to them with an extensive selection of passages from the Old and New Testaments.

Keywords: neo-paganism, new religious movements, witchcraft, sects, cults, client cults, classroom cults.

For citation: Martinovich, V.A. (2022). Diversity and Boundaries of Neopaganism in the Modern World. *Orthodoxia*, (3), 12–40. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2022-3-12-40

REFERENCES:

Assmann, J. (2002). *Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen*. München : C. H. Beck.

Berger, H. A. (1999). *A Community of Witches. Contemporary Neopaganism and Witchcraft in the United States*. South Carolina : University of South Carolina Press.

Berger, P., Lukman T. (1995). *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniia* [The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge]. Moscow: Medium. [In Russian].

Garfinkel, G. (2007). *Issledovaniia po etnometodologii* [Studies in Ethnomethodology]. Saint Petersburg: Piter. [In Russian].

Halbwachs, M. (2007). *Sotsial'nye ramki pamiati* [Social Framework of Memory]. Moscow: Novoe izdatel'stvo. [In Russian].

Hutton, R. (2001). *The Triumph of the Moon. A History of Modern Pagan Witchcraft*. Oxford: Oxford University Press.

Martinovich, V. A. (2018). *Sektantstvo: vznikovenie i migratsiia. Materialy k izucheniiu netraditsionnoi religioznosti* [Sectarianism: Emergence and Migration. Materials for the Study of Non-traditional Religiosity]. Moscow: Izdatel'skii dom "Poznanie". [In Russian].

Shils, E. (1981). *Tradition*. Chicago: University of Chicago Press.

Shizhensky, R. V. (2013). *Filosofiia dobroi sily: zhizn' i tvorchestvo Dobroslava* (A. A. Dobrovol'skogo) [The Philosophy of Good Power: the Life and Work of Dobroslav (A. A. Dobrovolsky)]. Moscow: "Orbita-M". [In Russian].

Shnirelman, V. (2012). *Russkoe rodnoverie: neoiazychestvo i natsionalizm v sovremennoi Rossii* [Russian Rodnoverie: Neo-Paganism and Nationalism in Modern Russia]. Moscow: BBI. [In Russian].

Smorzhevskaya, O.A., Shizhenskii, R.V. (2010). *Sovremennoe iazychestvo v religiozno-kul'turnoi zhizni* [Modern Paganism in Religious and Cultural Life]. Nizhnii Novgorod: NGPU. [In Russian].

Waldron, D. (2005). Witchcraft for Sale! Commodity vs. Community in the Neopagan Movement. *Nova Religio*, 9(1), 32–48.

Wallerstein, I. (2001). Gosudarstva v institutsional'nom vodovorote kapitalisticheskoi miroekonomiki [States in the Institutional Whirlpool of the Capitalist World Economy]. In I. Wallerstein *Analiz mirovykh sistem i situatsii v sovremennom mire* [Analysis of World Systems and the Situation in the Modern World] (pp. 401-413). Saint Petersburg: Universitetskaya kniga.

York, M. (1995). *The Emerging Network. A Sociology of the New Age and Neo-Pagan Movements*. Boston : Rowman & Littlefield.

About the author:

Vladimir Aleksandrovich Martinovich — Doctor of Theology, University of Vienna, Candidate of Sociological Sciences, Head of Apologetics Department, Minsk Theological Academy, Chairman of the Synodal Center for Sect Studies of the Belarusian Orthodox Church, Zybetskaya st, 27, Minsk, Belarus, 220030, e-mail: nrmsect@yandex.ru

Conflict of interest:

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 03.10.2022; approved after reviewing 11.11.2022; accepted for publication 13.12.2022.